

Всем женщинам моей семьи

В детстве я думала, что если раньше время вычисляли по крику петухов, то эти пернатые как-то умеют его определять.

Но у птиц свои биологические часы, не привязанные к человеческим. Точно так же, как и у людей свои собственные начало года, месяца и дня. Тот, кто просыпается с рассветом, никогда не поймет того, чьи глаза полностью открываются в лучшем случае к обеду.

Мы все разные, так что и время для каждого из нас течет по-разному. Именно об этом моя история.

О времени. И о том, что все в этом мире повторяется.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ане снова снился покинутый ею Город. В нем царила середина зимы — морозная, жгучая, с черным небом. Из-за городской засветки* лишь самые яркие звезды пробились над дорогой, которая вела к небольшому парку, разбитому на месте старинного кладбища. Сосны — почти корабельные — тянулись к небу, а земля под ними была укрыта снегом.

По дороге неслись резвые машины. Фонари отбрасывали тени на дома — сталинские, высокие и очень изящные по сравнению с серыми хрущевками поодаль. В самом конце дороги, на перекрестке, под мостом ширился въезд в скоростной тоннель. Аня знала: если перегнуться через перила, то можно увидеть и его огни, и фары снующих машин.

* Световое загрязнение (засветка) — засвечивание ночного неба искусственными источниками освещения, свет которых рассеивается в нижних слоях атмосферы, мешая проведению астрономических наблюдений. Иногда это явление также называют световым смогом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда она покидала Город, на этом месте взамен перил поставили высокие ограждения — какая-то полоумная сиганула вниз, прямо под десятки машин. Город наутро кипел возмущением и ужасом. А Аня только и думала, как понимает ту самоубийцу.

Город и эта дорога снились ей только в самые грустные ночи, когда воспоминания не давали уснуть. Что ж, она заплатила высокую цену за пару лет беспечности и наивности. И теперь ей расплачиваться за это до конца жизни.

Утро нагрянуло со звоном будильника. Отключив его, Аня надеялась поспать еще хотя бы полчаса, но Карамелька решила иначе. Пушистая рыжая кошечка, которую она подобрала полгода назад, из больного заморыша довольно быстро превратилась в роскошную сибирскую красавицу. Но вот чего Карамелька не утратила из прежней, бродячей жизни, так это вечного голода. Seriously, иногда Ане казалось, что кошка может спокойно проглотить пачку сухого корма за раз и попросить еще.

В квартире было прохладно, Аня накинула поверх пижамы теплый мамин свитер и направилась в кухню, чтобы покормить кошку и сварить себе крепкий кофе. Попутно включив новости, чтобы фонили, разбивая тишину, она принялась за привычные утренние дела. Впереди ждал очередной долгий день, так что ей понадобятся силы.

Когда год назад Аня вернулась в родной Джукетау, то даже не подозревала, как быстро прошлое подернется пеплом в памяти. Останутся только мимолетные видения о большом шумном городе, в котором так много камня и так мало дерева.

Запиликал телефон, перебивая ведущую новостей. Аня убавила огонь под туркой с кофе и посмотрела, кто прислал письмо. Редактор Анастасия Павловна желала хороших выходных и интересовалась состоянием ее новой книги. Тяжело вздохнув, Аня бросила телефон на стол и протянула:

— Чееееерт!

Сроки сдачи синопсиса давно прошли, она врала, что почти все готово, но нужно еще подшлифовать детали. Но когда Аня открывала файл с текстом, ее неизменно встречала пустота белого листа. Ни идеи, ни даже первого предложения. Где уж там быть готовому синопсису!

— Вот так скажешь, не подумав, что у тебя есть идея для второй книги, и потом от тебя не отстанут, — сказала она кошке и вернулась к кофе, который как раз надумал убежать.

За завтраком, состоящим из одной чашки американо без сахара, Аня пролистала новости в соцсетях, фыркнула от еще одной слащавой фотки брата Сережки в окружении его семейства и открыла рабочую почту. На нее тут же посыпался ворох правок к последнему тексту от заказчика, просьб проверить и откорректировать работы двух сотрудниц агентства и неожиданное среди всего этого изобилия письмо от бывшей коллеги по издательству, откуда Аня уволилась год назад.

Она вскользь прочитала имейл и тут же его удалила. Снова предлагают вернуться к ним на правах внештатного корректора. Как будто после всего, что произошло, она сможет!

Аня плотнее запахнула короткую куртку, а потом, стянув непослушные светлые кудряшки в низкий хвостик, надела на голову шапку. Проверив, взяла ли запасной аккумулятор и пленку для фотоаппарата, она вышла на лестничную клетку

НАЛИЧНИКИ

и нос к носу столкнулась с любопытной соседкой, чья квартира располагалась напротив.

— А я уж испугалась, что ты померла! — вместо приветствия воскликнула та.

— И я рада вас видеть, тетя Шура! — откликнулась Аня, закрыла дверь и подергала за ручку, чтобы убедиться. — Я уже говорила вам, что работаю из дома, но спасибо за заботу!

Проскользнув мимо нее, Аня направилась к лифту, и, пока его ждала, выслушала сто советов для поддержания спортивной формы и напутствие встретить сегодня жениха. Тетя Шура всегда считала — она выходит из дома с фотоаппаратом только для этого. Аня устала объяснять, что это часть ее работы, поэтому просто кивала и молилась, чтобы лифт уже наконец приехал.

Улица встретила ее свежим морозным воздухом и тусклым декабрьским солнцем.

Этой зимой в выходные Аня все чаще одевалась теплее и шла гулять в одиночестве по пустым улочкам. С одной стороны тротуара стройными рядами шли деревянные домики, а с другой — неперенные кусты или высокие кряжистые тополя, стройные крепкие липы или нежные березы. Родной город постепенно старел, под стать основному населению. Иногда бабушки подозрительно поглядывали на нее из окошек, когда она проходила мимо и останавливалась сфотографировать очередной наличник. Ветер вздымал поземку и сдувал с ветвей деревьев и кустов рыхлый снег. Еще не слежавшийся в серую грязь и лед, он хрустел под ногами. Местами на тротуаре, уложенном явно в прошлом веке, прятались под снегом ямы, и Аня аккуратно обходила их, за столько лет уже выучив точное расположение.

Дороги перетекали одна в другую, редкие машины пролетали по асфальту и исчезали за поворотом. Аня с любовью

разглядывала деревянные дома. Серые, крашенные в синий, зеленый и бежевый, с яркими акцентами — и с разнообразными наличниками. Их сдержанная красота — или узорное броское кружево — привлекала ее больше всего. Некоторые дома еще сохранили широкие деревянные ставни с железными задвижками. Аня снимала на старенькую пленочную камеру и дома придавала больше эстетичности обработкой. И ее блог со временем собирал все больше и больше ценителей фотографии.

Время в Джукетау замерло, и случайный путник не сказал бы, какой век на дворе.

Переулки сплетались в паутину, выходя к главной дороге, пересекая ее и перетекая в следующий квартал. Аня могла гулять здесь часами и не устать. Все пути вели к спуску к реке, так что иногда она выходила к ней, дышала свежим морозным воздухом, любовалась синим льдом и песчаными косами, заросшими тонкими слабыми деревьями, и шла обратно, сворачивая в следующий переулок.

В прошлую прогулку Аня заметила старый, но очень ухоженный и с любовью сохраняемый в почти первозданном виде деревянный дом. Похоже, его недавно обновили, выкрасив в теплый бежевый цвет, а наличники освежив более темным коричневым оттенком. Стоя перед домом, чей фундамент доходил ей почти до пояса, Аня любовалась окошками в резьбе наличников. Деревянные рамы изнутри утеплили ватой — ее комочки торчали наружу в паре мест, а на подоконниках теснились цветущие герани. Красные, розовые и белые, в лучах вынырывающего из-за туч солнца они казались еще ярче. Кружевная штора завершала картину, и Аня достала камеру, чтобы поймать удачный кадр.

Скрипнула входная дверь, по рыхлому снегу захрустели чьи-то шаги, и она машинально опустила фотоаппарат,

НАЛИЧНИКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

встретившись взглядом со старушкой, закутанной в белый платок и теплую серую шаль. Несвежая сорочка и калоши не по сезону на шерстяной носок — явно выскочила из дома, наспех накинув на себя первое попавшееся под руку. Выйдя со двора через калитку, она остановилась напротив Ани, уставившись на нее удивительно яркими для пожилого возраста карими глазами.

Ветер смел с деревьев снег, и крупа заколола не защищенные перчатками руки.

Старушка что-то громко воскликнула по-татарски, но Аня ни слова не разобрала. В книгах текст она еще как-то понимала, но вот разговорную речь, тем более у старшего поколения, — никак. Жаль, что не хотела в детстве учиться у деда, который так ловко болтал на этом языке, что его принимали за татарина, хотя он и был русским!

— Ульяна, ты, что ли? — неожиданно по-русски, но с густым акцентом спросила старушка, тут же пошатнулась и закатила глаза, так что пришлось ловить ее, чтобы уберечь от падения.

— Отойдите от нее! — Гневный окрик еще сильнее напугал Аню, и кто-то выхватил пожилую женщину из ее рук. В шоке подняв глаза, она увидела молодого человека без верхней одежды, в строгом костюме и калошах. Его рыжие волосы полыхали на фоне снега, как костер. У него акцента не оказалось, хотя он совершенно точно был родственником старушки — так похож на нее.

— Простите, я не хотела... она начала падать, я ее просто поймала, чтобы не ушиблась, — залепетала Аня, отходя назад. — Я не хотела, простите!

Старушка, видимо, совсем потеряла сознание, потому что молодой человек подхватил ее на руки и, бросив еще один,

уже растерянный, взгляд на Аню, помчался в дом. Калитка жалобно скрипнула на ветру и распахнулась настежь.

«Кто-нибудь еще зайдет, надо закрыть», — мелькнуло в голове, и она машинально затворила за ними калитку, мельком увидев широкий заснеженный двор, а потом пошла вниз по улице, увязая в снегу.

Все бы ничего, но откуда эта пожилая татарская женщина, с виду тяжелобольная, могла знать ее бабушку Ульяну, никогда не говорившую по-татарски и в принципе ни с кем не дружившую?..

